

*Незримые Каменные
мосты*

Дарья Сегина - Друк

18+

Дарья Согрина – Друк

Нерушимые каменные мосты

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Согрина – Друк Д.

Нерушимые каменные мосты / Д. Согрина – Друк — «ЛитРес: Самиздат», 2010

ISBN 978-5-5321-2567-4

Оставь надежду всяк сюда входящий! И лишь отчаянье ждет за сенью врат!
И монстры рыщут в подворотнях града, скрываясь под личиной света! Здесь
трусость прикрывается сутаной! Возмездие – иллюзия обмана! А истина
запрятана в подвалах, где цербер, день и ночь, несет дозор. Кто встанет
против злого рока, прогонит прочь испуг и душу обнажит? Коварный гений
держит в страхе город и в то же время честью дорожит! Тихий священник,
дерзкая девчонка, разумный доктор, высокомерный адвокат, что связывает их
воедино? Какой секрет так страстно стерегут?

ISBN 978-5-5321-2567-4

© Согрина – Друк Д., 2010
© ЛитРес: Самиздат, 2010

Содержание

Часть первая. Кристи	5
Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	20
Часть вторая. Виржилиу	28
Предисловие	28
Глава 1	29
Глава 2	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Часть первая. Кристи

Предисловие

Ненависть... В сердце столько ненависти! Мерзкой смолой, липкой и тягучей, она просачивается в каждую клетку организма, пожирая изнутри, превращая в озлобленного отшельника.

Окружающие принимают иллюзорный облик за исчадие ада, не удосужившись разузнать что-нибудь о человеке, о его прошлом, настоящем. Они созерцают тленную оболочку, вынося конечный вердикт, не подлежащий осуждению. Им плевать, что творится в израненной душе, в спутанных мыслях. Люди не желают примерять на себя образ Фрейда и проводить глубокий психоанализ. Они судят о содержании книги, не открывая ее, мельком взглянув на обложку.

Вы рассказывали кому-нибудь о своих проблемах, пристально наблюдая за поведением собеседника? Блуждающий взгляд, скучающее выражение лица, автоматические кивки в знак согласия. А если пересечете черту и ненароком пустите слезу, то перед вами окажется загнанный в ловушку зверь, мечущейся в поисках спасительного выхода. Ваш слушатель предпочтет погибнуть от инфаркта, нежели согласится дальше терпеть размазывание соплей и мелодраматические нюансы исповеди.

Я ненавижу! Да, я ненавижу людей с их фальшивой учтивостью, показными манерами, театральной заботой! Я не приемлю религию, служащую щитом для грешников и трансформирующуюся в святых мучеников. Я презираю Господа! Если предположить, что он все же существует, то так называемый Творец, ничем не лучше Дьявола, созданного им по образу и подобию. Он закрывает глаза на несправедливость, прощает насилие, позволяет совершаться бесчинствам. Он благоволит тем, кто наделен властью, нечистой совестью, подвержен порокам и уверен в своей безнаказанности. В моем сердце нет места для такого Бога, лишь слепая ненависть!

Я пренебрегаю всем миром за не оказанную помощь, в которой так нуждалась, за безразличие в те минуты, когда я стонала словно раненая лань, но все были глухи к моему крику отчаяния, и за ту нестерпимую боль, что мне причинили, невзирая на мои слезы и мольбы.

На этой бездушной планете нет места добру и милосердию! Все вокруг фарс – черная комедия, разыгранная на подмостках мировой цивилизации, где постановщиком спектакля является Господь! Сценарист и зритель в одном лице! Лауреат премий за самую лучшую драматургию! Он дико хохочет, удобно расположившись на небесном троне, созерцая созданную им трагедию, где страдания марионеток доставляют ему невероятное удовольствие.

Моя вселенная никогда не станет прежней! В моем темном царстве нет места солнечному свету! Здесь я, в сырых подземельях, создаю свой полный мрака мир. На этих просторах есть лишь один хозяин – моя темная сущность. Если Господь разгневан и жаждет поквитаться со мной, что же... Я встречу Его во всеоружии. Никто больше не посмеет причинить мне боль! Никому не позволю унижить себя и втоптать в грязь. Пока мое сердце бьется, и я могу дышать, то буду нести Разрушения и Хаос. Пока жива, я буду жаждать возмездия за ту мерзкую ночь, сломавшую мою жизнь, превратившую мое сердце в обломок гранита. Я отомщу за тот кошмар и безудержный смех Создателя, созерцающего смерть моей души!

Глава 1

Кристи было почти восемнадцать. В ее внешности отсутствовала юношеская наивность, мечтательный взгляд, безграничный оптимизм. Волосы, черные как смоль, спадали длинными неопрятными прядями ниже лопаток, напоминая прическу Оззи Осборна на пике карьеры. Мрачный макияж резко оттенял неестественную бледность кожи. Впалые щеки и темные потухшие глаза, придавали сходства с мертвецами из дешевых фильмов ужасов. Черная одежда с длинными рукавами в любое время года. Каждая мелочь в девушке, словно кричала о том, что она из иного измерения, где живут лишь призраки. Возможно, поэтому она предпочитала кладбище.

Здесь было тихо, казалось, тонкая грань между загробным миром и миром живых исчезла, соединяя их воедино. Под слоями земли тлели кости многолетней давности, или гнили свежие трупы. Но они молчали. Они не испытывали ни любви, ни ненависти, ни жажды, ни голода. Они были холодны к глобальным катаклизмам и ядерным войнам. Покой и безмолвие. Царство скорби и забвения.

Кристи, сидя на гранитной плите, сделала глубокую затяжку. Сигарета, злобно шипя, истлела до половины. Девушка открыла рот и медленно выпустила клубы дыма. Никотиновое облако, похожее на сказочного джина, приняло причудливую форму и поднимаясь к небесам, начало неспешно растворяться в воздухе.

Тишина. Полуразрушенные могильные памятники и склепы, заросшие плющом, почерневшими остовами возвышались на фоне оранжевого заката. Августовский ветерок притих среди кленовой листвы, слегка опыленной багрянцем. Солнце лениво плыло к линии горизонта, не желая отдавать этот мир наступающим сумеркам, притаившимся в тени высокой травы и кустарников.

Кристи потушила сигарету о гранитную плиту, выбросив рядом окурочек. Она сделала глубокий вдох, наслаждаясь безмолвным покоем погоста. Ей совершенно не хотелось домой. Здесь она чувствовала себя в безопасности. В этом месте она не ловила на себе осуждающие взгляды. Рядом с ней не было вечно орущей матери, изображающей из себя набожную даму на публике, а в семейном гнезде превращающуюся в безумного монстра. Здесь не было отца – безмолвного раба строгой супруги, боявшегося молвить слово наперекор. И не было младшей сестры, всюду таскающей Библию в руках и восхваляющую Господа. Кладбище являлось убежищем. Мертвым все равно как ты одета, ходишь ли ты по воскресеньям на мессу. Им плевать на твои невзгоды и радости. Они безразличны ко всему.

Кристи, прищурившись, взглянула на заходящее солнце. На ее лице появилась ироничная улыбка. Черная помада на тонких губах и длинные вечерние тени на лице, создавали пугающий эффект. Словно на мгновение в девочке пробудился демон, жаждущий поработить бренный мир. Кристи поднялась и медленно побрела по заросшей тропинке, пританцовывая. Издалека могло показаться, что чей-то призрак получил второй шанс на земную жизнь и, радуясь внезапной удаче, пустился в безумный пляс.

Это было ничем не примечательное воскресное утро. Солнце, не спеша, поднялось над мегаполисом, обещая жаркий летний день. Горожане лениво покидали душные дома – коробки, совершая утреннюю прогулку, или же с семьей отправляясь на мессу. Даже владелец булочной, с супругой и детьми, в этот день присутствовал на заутрене. Местные жители могли купить румяную выпечку только после службы, когда хозяин заведения возвращался из церкви и открывал двери магазина для всех желающих полакомиться ароматной сдобой и горячим хлебом.

Мария, смотря в зеркало, тщательно пыталась уложить выбившуюся из прически прядь. Она нервно поглаживала пальцами волосы, но они словно взбунтовались, продолжая торчать посреди ровного пробора. Прическа в виде кокона старила женщину. Да, в свои сорок лет Мария выглядела на много лет старше, чем ее ровесники. Возможно, суровый нрав иссушил ее кожу и добавил седины волосам, а может неприязнь к косметике превратила ее в сухощавую старуху, покрытую паутиной морщин. Марию возраст не волновал, как и мнения окружающих по поводу ее внешности. Она была уверена, Бог ее любит такой, какая она есть. Господь отворит врата Рая перед ней, ведь она чтит его законы, трудится во славу Божью и возносит молитвы каждый день.

У Марии не было подруг, если не брать во внимание нескольких дам из приходской общины, которые максимально соответствовали ее стандартам дружбы. С ними она старалась встречаться лишь по церковным делам. Богобоязненные особы вызывали восхищение, но все равно были не ровня ей. Она чувствовала, что Всевышний направляет ее, благословляет и поддерживает, в то время как остальным дарит лишь жалкие крохи своей любви. Марии нравилось ощущать себя Избранной, и она свято верила, что так оно и есть. Она – излюбленное Дитя Господа!

Женщина старалась тщательно стереть из памяти те времена, когда ее душа блуждала в потемках, а заветы Господа были лишь навязанными предками традициями. Обретя веру, Мария превратилась в добровольного изгоя и заодно обрекла свою семью на вечное одиночество. В доме все должны были безоговорочно следовать ее правилам и законам Божиим. Любое неповиновение жестоко каралось. Наказание подкреплялось стихами из Библии, которые лишь подтверждали правоту женщины.

Мария взглянула в настенное зеркало. Завиток наконец-то перестал сопротивляться и ровно лег к другим волосам. Женщина холодно улыбнулась. Вокруг рта и глаз глубокими канавками пролегли морщины. Знаменитая улыбка надменной королевы. Безжизненная, фальшивая, идеально подходит для прихожан в церкви.

– Все готовы? Мы должны были пятнадцать минут назад выйти из дому. Скоро начнется месса.

Мария достаточно часто кричала, но даже тогда, когда ее голос звучал сдержанно и спокойно, он разносился по дому, словно раскат грома, от которого дрожали стены. Щуплый, невысокого роста мужчина, второпях поправляя галстук, подбежал к ней. Его лицо выражало хроническую усталость, будто он испытывал недостаток сна или дни напролет занимался тяжелым физическим трудом. Побочным явлением недосыпа стало полное выпадение волос на голове. Лысина мужчины, пожалуй, была единственной видимой частью тела, которая выглядела великолепно, сияя при тусклом комнатном свете.

– Дорогая, не волнуйся, мы не опоздаем.

Мужчина виновато взглянул на грозную супругу, боясь ее гнева.

Мария посмотрела на мужа с презрением. Казалось, что перед ней стоит не отец ее детей, а отвратительное насекомое, которое жаждет быть раздавленным носком ботинка. Резким движением она затянула узел галстука на шее супруга, да так туго, что он чуть не задохнулся. Став пунцовым от нехватки воздуха, он боязливо опустил глаза, чтобы избежать пронизывающего, колючего взгляда.

– За столько лет, вы не можете выучить одно простое правило?! Мы никогда не опаздываем в церковь, – сухо процедила Мария и переключила свое внимание с мужа на пустой коридор. – Девочки, быстро спускайтесь вниз! Я не стану ждать ни секунды!

– Дорогая, они уже в церкви, ждут нас, – голос мужчины превратился в шепот, в нем появилась легкая дрожь. – Лаура их отвезла.

Мария нервно поджала губы, в ее глазах появились металлические искры. Мужчина вжал лысую голову в плечи, в надежде, что этот трюк спасет его от гнева благоверной, но его попытки были тщетны, супруга пришла в бешенство.

– Кто дал разрешение Лауре везти моих детей на воскресную службу? Она няня, и не более того! Моя законная привилегия распоряжаться детьми, указывать, куда им идти и что делать. Они – моя собственность, а не ее, – тон Марии был ледяным. Покажись Лаура сейчас на пороге, женщина растерзала бы ее на месте.

– Ты права, бесспорно, права, дорогая. Лаура подумала, что так будет лучше. Ты же знаешь, что Кристи не упустит возможность затеять ссору с тобой. И тогда мы точно бы опоздали, – не поднимая глаз, мужчина чуть ослабил галстук, позволяя воздуху свободно проникнуть в легкие.

– Я никогда не опаздываю!!! – взвизгнула Мария.

Супруг испугано вздрогнул, еще больше втянув голову в плечи, словно ожидая удара.

– Эта самовольная няня сегодня же будет уволена! Она дурно влияет на детей! А с твоей порочной дочерью я бы справилась, не впервой.

Мария сделала глубокий вздох, чтобы успокоиться и, взглянув в зеркало, поправила прическу. Настроение было испорчено.

– Она и твоя дочь, – тихо прошептал мужчина.

Мария резко обернулась и отвесила мужу звонкую пощечину. Бедолага молча стерпел оплеуху, зажмурив глаза, в ожидании новых побоев.

– У этой дряни твои гены! Но я не стану сейчас обсуждать ее и еще больше расстраиваться перед мессой. Няня больше не войдет в эту дверь. А с тобой и бесноватой девчонкой я разберусь после обеда. И прекрати сейчас же строить из себя жертву! Это меня раздражает! Иди, подгони автомобиль!

Мужчина быстрым шагом покинул дом, тихо закрыв за собой дверь. Мария пренебрежительно взглянула ему вслед, затем подняла глаза к потолку и прошептала:

– Господь Всемогуший, дай мне сил справиться с этими дьявольскими отродьями. Дай терпения, направить их на путь истинный...

Огромная католическая церковь в романском стиле, величественно возвышалась на холме, днем и ночью непрерывно следя за городом и его обитателями, словно часовой на посту. Башенные часы отсчитывали время смертных на этой грешной земле, напоминая, что все в этом мире не вечно. Храм был пристанищем праведных католиков, не пропускающих мессы, и лицемеров, отдающих дань многовековым традициям. Здесь всегда былолюдно. Особенно по воскресным службам и христианским праздникам, сюда стекались прихожане со всего города. Внутри всегда пахло горящими восковыми свечами и цветущим олеандром, кустарники которого буйно разрослись в церковном саду. Хор ангельских голосов и звуки органа создавали располагающую обстановку, чтобы каждый горожанин или гость чувствовал себя ближе к Всевышнему. Все прихожане, посещающие Божий дом, были не без греха, если не брать во внимание новорожденных и маленьких детей. Каждый мирянин, войдя в храм Господень, считал своим святым долгом надеть маску набожности и смирения.

Пожилой священник, с лицом заправского алкаша, мастерски создавал образ праведника и в свободное время напутствовал советами, приводя примеры из Евангелия. Паства покорно соглашалась с рекомендациями святого отца, хотя присутствующие знали – это всего лишь пустые слова. Ни для кого не было секретом, что святой отец не прочь вечерком выпить рюмку – другую чего-нибудь горячительного, а порой и вообще напиться в хлам. Горожане закрывали глаза на столь незначительные грешки главы церкви, ведь он был единственным шансом попасть в райские кущи, а за комфорт в загробном мире прихожане могли простить любые оплошности священнослужителю. Ну, а если бы кто-то решился упрекнуть, упаси Господи,

святого отца в излишнем потреблении алкоголя, то кара божья незамедлительно бы настигла нечестивца. Священник хранил компромат на всех и каждого.

Тайна исповеди – идеальное средство для манипуляций. Ты владеешь колоссальным запасом секретов. И если действовать с умом, то можно использовать информацию в своих целях, не нарушая церковных канонов. Святой отец, хоть и был отъявленным пьяницей, обладал весьма трезвым взглядом на данную ситуацию. Если вдруг кто-нибудь из жителей города рискнул насолить ему, то ответная реакция не заставила бы себя долго ждать. Преподобный знал об абортах, изменах, рукоприкладстве, мошенничестве и прочих повинностях. Он слушал душеизлияния прихожан, а после заносил добытые сведения, если они представляли собой ценность, в маленькую тетрадь, которую бережно хранил от людских глаз.

Каждый раз, читая проповедь, он смотрел на свою паству и обещал им Эдем после смерти, а сам надеялся, что вся эта ничтожная толпа, утопающая в грехах, сгорит в Геенне огненной. Ежедневно священнику приходилось примерять на себя образ миролюбия и благочестивости. Он был прекрасным актером, которому неизменно легко удавалось воплотиться в роль богобоязненного человека – представителя Господа.

Преподобный терпеть не мог своих прихожан. Они для него были просто серой массой, не желающей чтить законы божьи, но жаждущие вечной жизни после смерти. И все же, среди одинаковых лиц были те, к которым он испытывал особую неприязнь

Таковыми значимыми личностями являлись Мария и ее семейство.

Мария вызывала у священника легкий страх и тошноту. Ее набожность граничила с безумием. Временами он ловил себя на мысли, что если бы у этой дамы была возможность стать Папой Римским, то она с усладой ввергла этот мир в темное Средневековье. Преподобный благодарил неоднократно Господа за то, что Он не сотворил Марию мужчиной.

Эта женщина, как и священнослужитель, легко могла бы получить Оскар за лучшую роль. Она достойно могла сыграть великомученицу или пресвятую деву, замаскировав под толстым слоем грима лик гремучей змеи, ждущей удобного момента, чтобы впиться ядовитыми клыками в жертву. Мария была единственной в приходе, на кого не удалось собрать компромат. Ее исповеди были тщательно отрепетированы и весьма поверхностны. Ни единой улики указывающей на преступление. Но старого священника сложно провести. Он догадывался, что в тихом омуте полно затаившихся чертей. На эту мысль его наводило чудное семейство святоши. Не кривя душой, он мог сказать, что старшая дочь дамочки, своими выходками радовала его, а вернее радовало выражение лица Марии, потерявшей контроль над чадом.

Кристи была хороша. Она, словно тайный союзник священника, терпеть не могла свою идеальную родительницу и не упускала шанса покрыть позором безукоризненное имя матери. Правда от проделок страдали так же прихожане, интерьер храма, и даже сам преподобный, временами становился объектом нападков подростка. В душе он ликовал, глядя, как Мария безуспешно стремится затащить дочь в обитель божью, а та в отместку выкрикивает бранные слова во время службы, наносит урон церковному имуществу, а однажды даже устроила стриптиз.

Святой отец помнил в деталях тот день, когда Мария слезно просила его получить одобрение на ритуал экзорцизма. Она была уверена, что телом дочери овладел сам Сатана. Преподобный ответил ей отказом, посоветовав показать ребенка медицинскому специалисту. Он помнит взгляд Марии: колючий, полный презрения и ненависти. Священнику казалось, что она его придушит, но женщина лишь холодно кивнула в знак согласия. И преподобный понял, что приобрел злейшего врага, который при удобном случае не побрезгует вонзить нож в спину.

Безумная баба попыталась отомстить, написав жалобу епископу. К счастью, тот оказался здравомыслящим человеком и не предал значения инциденту. Да еще к тому же, повторно отказал даме в ритуале экзорцизма, пояснив, что единственный демон способный овладеть ребенком, всего лишь переходный возраст. Изгнать его церковнослужителям не под силу.

Сегодня был обычный воскресный день, и святой отец предвкушал насладиться очередным шоу, которое может произойти, благодаря черноволосой бестии. Храм был полон. Кристи с младшей сестрой и няней сидели на скамье в ожидании начала литургии, но Марии с супругом не было видно. А без них спектакль мог не состояться и не возыметь такого сногшибательного эффекта.

Преподобный заподозрил что-то неладное. Своевольная и деспотичная дамочка, за три года посещения данного прихода, никогда не опаздывала к литургии. Дальше откладывать мессу священник больше не мог.

Лаура, невысокая женщина лет пятидесяти с мягкими чертами лица, тревожно поглядывала на дверь храма. Она нервничала, хотя и старалась не подавать виду. Ее переживания в первую очередь были связаны с Марией, которая наверняка разгневется, узнав, что няня без разрешения повела детей в церковь. Вторая причина – Кристи, которая в любой момент могла сорваться и спровоцировать очередной скандал. Лаура взглянула на девочек.

Десятилетняя Анна прекратила чтение Библии и внимательно слушала священника, начавшего мессу. Кристи, с каменным лицом, смотрела в пространство, словно ее разум летал в иной вселенной. Лаура знала, что девушка терпеливо ждет прихода родителей, чтобы хорошенько их позлить. Несомненно, у нее в запасе был новый цирковой номер, который она намеревалась показать сегодня в храме. Внезапно Кристи пришла в себя, огляделась и сосредоточенно уставившись на преподобного, с презрением прошептала:

– Ненавижу воскресенья! Ненавижу проповеди, причастие и этот идиотский хор!

Лаура беспокойно сжала руки, так сильно, что костяшки пальцев побелели. Она умоляюще взглянула на девочку.

– Прощу тебя, Кристи. Только не сейчас.

– За такие слова можно попасть в ад, – произнесла Анна механически, продолжая внимательно слушать священника.

Кристи громко расхохоталась, привлекая своим смехом недовольные взгляды прихожан. Преподобный еле заметно улыбнулся, но не прервал службу. До кульминационного момента еще надо было немного подождать.

– Мне плевать на ваш Ад, Рай, Страшный суд!!! Меня сейчас вырвет от этой угнетающей музыки, этих восхваляющих Господа речей, от ваших смиренных физиономий!!!

– Извините, извините нас! – Лаура виновато оправдывалась перед присутствующими и священником, который делал вид, что ничего не замечает.

– Кристи, замолчи. Ты в храме Господнем. Тебе не стыдно?– Вновь вмешалась Анна, на этот раз серьезно посмотрев на сестру. Малышка пыталась помочь няне, которая взглядом растерянно искала поддержки у окружающих, но лишь встречала неодобрение и осуждение в выражениях одинаковых, серых лиц.

– Да горите вы все адским пламенем, лицемеры!!! – Кристи вскочила со скамьи, плюнула с отвращением на пол и побежала к выходу. Ее тяжелые каблуки, на черных кожаных сапогах, отбили четкую дробь, звук которой отразился от стен храма, перебив ангельские голоса хора.

– Кристи, вернись,– отчаянно прошептала Лаура, но не двинулась с места,– Мария меня уничтожит, если не найдет тебя здесь.

Просьба няни осталась не услышанной. Девочка стремглав выбежала из здания, громко хлопнув тяжелой, дубовой дверью. Кристи было все равно. Она больше не могла находиться в этом помещении, где густой воздух сдавливал горло, а давящие звуки органа вызывали головную боль. Она должна была уйти. Кристи понимала, что Лауре предстоит тяжелый разговор с Марией. Такова была ее работа.

Преподобный довольно ухмыльнулся, глядя на встревоженные и недовольные лица прихожан. Лицемеры! Как точно подросток дал определение этим людям. Эх, жаль, что в этот раз спектакль был таким коротким. Вот если бы Мария была здесь... Странно, святоша до сих пор

отсутствовала. Священник начал серьезно беспокоиться. Что могло воспрепятствовать богобоязненной даме, посетить мессу?

– Мама будет недовольна. Я уверена, ты ей все объяснишь, – тихо прошептала Анна, успокаивающе глядя няню по руке.

Лаура нервно сглотнула. По ее телу прошла мелкая дрожь. Она надеялась, что Мария ее не уничтожит после сегодняшних событий, ведь Лаура оплошала два раза. Вначале забрав детей без спросу, затем упустив Кристи. Мария не прощала ошибок никому и никогда.

Внезапно дверь церкви тихо отворилась. Лаура, услышав скрип петель, вздрогнула. Она напряглась, не посмев повернуть голову. Прихожане и святой отец, наоборот, с любопытством взглянули в сторону входа. Анна также обратила внимание на вошедших.

– Лаура, мне кажется у нас проблемы... – Испуганно произнесла Анна, дергая няню за рукав кофты, чтобы та, наконец, взглянула на гостей.

Собравшись духом, Лаура перекрестилась и обернулась. По проходу шли двое мужчин-полицейских с серьезными лицами, они направлялись в ее сторону. У женщины бешено заколотилось сердце. Внутренний голос подсказывал ей, что случилось что-то ужасное.

– Господь Всемогуший, дай мне сил, – Лаура вся побледнела, глядя на приближающихся стражей порядка, – Анна, я надеюсь, твоя сестра не совершила очередную глупость...

Глава 2

Смерть не всегда приносит душевные муки. Временами она долгожданный вестник облегчения. Внезапный уход человека образует пустоту, но не угнетающую, не бросающую тебя в бездну ада. Вместо скорби возникает чувство невесомости. Тяжкий груз спадает с плеч, и ты чувствуешь свободу. Там, где были чугунные цепи, сковывающие тебя, распускаются крылья. Нет, не воспарить в бескрайнее небеса, крылья давно подрезаны. Только осознание того, что они есть, дает надежду, что не все потеряно. Больше нет якоря, тянущего тебя на дно темной морской пучины. Ничто ни нависает над тобой дамокловым мечом. Свобода, осуждаемая окружающими людьми, награждает безразличием! Ни одной слезы не упало на сырую землю могилы. Отрешенность на лице застыло каменной маской.

Кристи помнила. Она помнила, как вернулась домой, ожидая услышать бесконечные вопли матери, упреки в свой адрес и возможно заслужить пару пощечин. Но к ее удивлению в этот раз все было иначе. Тишина. Гробовая тишина, заглушающая биение сердца, скрипы половиц, гул машин за окном. Полицейские с хмурыми лицами, словно они не только принесли печальную весть, а и сами понесли утрату. Заплаканные Лаура и Анна, которые непрерывно всхлипывали, так тихо, что можно было догадаться лишь по легкому вздрагиванию плеч. Кристи поняла – случилось ужасное. Как только эта мысль посетила ее голову, тут же тиски, сжимающие ее душу, ослабли. И через мгновение их не стало, они растворились во времени и пространстве.

Кристи не забыть, как няня рыдая, сообщила ей о жуткой аварии, в которой погибли ее родители, по дороге в церковь. Сердце девушки не сжалось от боли. С ее уст не сорвались душераздирающие крики отчаяния. Она ничего не почувствовала, словно страшное известие не касалось ее. Несчастье произошло с кем-то другим, с теми чужими людьми, про которых пишут в сводках новостей местной газеты, а судьба незнакомцев ее не интересовала. Кристи невозмутимо взглянула на няню и молча прошла в свою комнату, закрыв дверь на ключ. Единственный человек, к которому в данный момент она испытывала сострадание – это сестра, утопающая в слезах.

Кристи не могла себя заставить скорбеть по матери, превратившей ее жизнь в кромешный ад. Она не жалела отца, отказавшего ей в помощи, под влиянием деспотичной супруги. Он просто скрылся в раковине, как трусливая улитка, не желая вступать в конфликт. Кристи было наплевать на биологических родителей, погибших несколько часов назад! Без них ее жизнь, возможно, не станет лучше, зато теперь ей не придется терпеть издевательства Марии.

Огромные лесистые холмы, словно волны безбрежного океана, простирались зеленым покрывалом до самого горизонта, превращаясь в исполинские горы с лысыми вершинами. С приходом зимы острые пики покрываются снегами, скрыв прогалины, где трава высохла от невыносимого летнего зноя. А весной лучи растопят лед. Ручьи бурными потоками потекут в долины, и ненадолго вершины покроются сочной растительностью, пока безжалостное летнее солнце не сожжет все заново, превращая все вокруг в бесплодную пустошь.

Исполинские ели, буйно растущие вдоль длинного шоссе, выщегося среди холмов юркой змейкой, отбрасывали длинные тени на дорогу. По автомагистрали спешили редкие автомобили, жаждущие поскорее покинуть живописную провинцию и утонуть в пробках задымленных мегаполисов. Лишь старый синий форд стремился прочь от большого города, словно пытался сбежать в глушь диких мест от проблем, стараясь скрыться под тенью густых крон хвойных деревьев.

Лаура вела осторожно автомобиль, сосредоточенно смотря на дорогу, не превышая скорость. Временами она поглядывала в зеркало. Ее взору открывался вид пассажирского сиденья, где устроились девочки.

Кристи отсутствующим взглядом смотрела в окно, прислонившись лбом к стеклу. Зеленая стена леса, отражалась в ее карих глазах, словно в зеркале, делая ее взгляд еще более холодным.

Анна не смотрела на дорогу. На ее коленях лежала Библия, которую она с упоением читала. Ее губы беззвучно шевелились, пальцы водили по строкам. Лаура тихо вздохнула.

Кристи внезапно словно очнулась от сна. Она открыла окно. Ветер ворвался в салон и заиграл прядями волос девочек. Кристи глубоко вдохнула прохладный горный воздух. Анна оторвалась от книги и внимательно посмотрела на няню, которая молча вела авто.

– Как ты думаешь, Лаура, мама с папой сейчас в раю?

Женщина грустно улыбнулась, взглянув в зеркало заднего вида, встретившись взглядом с девочкой. Она утвердительно кивнула.

Кристи усмехнулась, высунула руку в окно, подставляя ее ветру.

– Какая же ты наивная, сестренка. Они не заслужили ни рая, ни ада!

– Кристи, прошу тебя... – Лаура, сбавила скорость, ожидая очередного скандала.

– Злая ты. Мама, не одобрила бы твои слова... – Анна с обидой взглянула на сестру.

Кристи вновь усмехнулась.

– Думаешь, они там наверху? На небесах? – Девушка указала на ясное небо, – По-твоему, они наблюдают за нами? Что же, если ты права, то они должны это увидеть! – Кристи вытянула средний палец и подняла его вверх.

Глаза Анны наполнились слезами. Она сжала Библию руками.

– Хм... Меня не сразил гром небесный! Значит, никого там наверху нет. Ни бога, ни родителей, ни черта!!!

– Кристи, прекрати... – произнесла сдавленно Лаура.

– Мама была права, ты – сущий дьявол!!! – захлебываясь в слезах, вскрикнула Анна. – Ты черствая, эгоистичная!!! Господь тебя накажет, за твои деяния!!!

– Девочки, умоляю вас, не начинайте ссору. И так тяжело.

Лаура напряглась, надеясь, что ситуация разрешится и не перерастет в драку. Кристи было уже не остановить, она вошла в раж. Девушка с презрением взглянула на ревущую сестру и язвительно произнесла:

– Знаешь, что я думаю о твоём Господе? Его не существует! А если предположить, что горе-творец и есть на этом свете, то он является истинным злом! Он так возлюбил тебя, что оставил сиротой! Он так оберегал меня, что моя жизнь превратилась в бесконечный кошмар! Он так обожал наших безумных родителей, что превратил их в кровавое месиво! Да ему плевать на нас всех!!! – Голос Кристи сорвался на крик, глаза загорелись огнем ненависти, дыхание участилось.

– Замолчи!!! – взвизгнула Анна, попытавшись ударить сестру библией. К счастью, Кристи успела схватить книгу и избежать удара.

– Девочки!!! – Лаура резко остановила машину, но ее действие не прекратило ссору.

– Твой бог – самый безжалостное чудовище в истории человечества! – Кристи вырвала Библию из рук сестры. – Я презираю его и все, что связано с ним! – девушка с ненавистью вышвырнула книгу в распахнутое окно.

– Кристи, да что с тобой не так!!! – Воскликнула Лаура, выскакивая из автомобиля.

Анна заревела во весь голос и набросилась на сестру с кулаками. Кристи холодно схватила ее за запястья, с усмешкой глядя, как сестра безуспешно пытается ударить ее.

Лаура подняла книгу и, подойдя к задней двери автомобиля, распахнула ее.

– Анна, прекрати драку и сядь вперед. Быстро!!! – Голос няни звучал угрожающе. – А ты, Кристи, закрой свой рот до конца поездки и перестань провоцировать сестру. Еще один такой инцидент, и я вас поколочу, несмотря на то, что вы в трауре.

Лаура твердым шагом направилась к месту водителя. Сев в автомобиль, она положила Библию в бардачок и терпеливо стала ждать, когда Анна сядет рядом с ней.

Кристи отпустила сестру. Анна молча пересела вперед.

– Вот и отлично, теперь мы можем продолжить путь.

Лаура завела автомобиль. Форд медленно тронулся. Кристи сжав губы, посмотрела в распахнутое окно.

Кристи помнила. Она помнила каждый момент ее жизни до того злосчастного дня: молитвы перед сном, деревянный крест с Иисусом, висящий на стене в изголовье ее кровати, первое причастие. Она помнила Марию, возложившую на алтарь поклонения свою любовь к богу, отодвинув семью на задний план.

В памяти Кристи всплыл один из моментов, который ей не суждено было забыть.

Вечерело. За окном густые сумерки с жадностью пожирали последние лучи солнечного света, окутывая здания и деревья тягучим серым туманом.

На больших настенных часах пробило семь вечера. Стол был накрыт к ужину, но к трапезе ни один из членов семьи не приступал, терпеливо ожидая чего-то.

Анна тихо что-то рассказывала отцу, который натянуто, улыбался, рассеянно кивая, пытаясь создать видимость хорошего слушателя. Его потухший взгляд выдавал безразличие. Болтовня младшей дочери совершенно не интересовала его.

Мария ходила рядом, то и дело поглядывала на часы, словно ждала кого-то. Она временами поправляла скатерть, приборы, тарелки. Женщина тянула время, зная, что никто не притронется к еде без разрешения.

Кристи устала ждать. Она улучила момент, когда мать отвела свой взгляд от стола и быстро протянула руку к корзине с румяными булочками. Она напрасно надеялась, что ее поступок останется незамеченным. Мария тут же среагировала.

Боль была адской. Женщина с такой силой ударила дочь по руке, словно намеревалась сломать ее.

– Я миллион раз говорила тебе, чтобы ты не помышляла прикоснуться к еде, пока не произнесена молитва, – в голосе Марии звучали металлические нотки.

Кристи отдернула руку и склонила голову, мечтая провалиться сквозь землю, лишь бы не слышать выговор матери. От боли ей хотелось разреветься, но она знала, что слезы лишь усугубят ситуацию, и гнев Марии будет в разы страшнее.

– Прости. Я не собиралась есть, хотела лишь положить на свою тарелку, – виновато произнесла девочка, не поднимая глаз.

Анна замолчала и сделала вид, что с интересом рассматривает рисунок на скатерти. Отец, ощутив напряжение в воздухе, поспешил покинуть центр событий.

– Воды нет на столе, сейчас принесу, – поднявшись со стула, он ретировался с места боевых действий.

Мария оставила без внимания факт бегства супруга, с презрением смотря на старшую дочь.

– Я знаю, как мне следует поступить с тобой, – ледяной тон женщины заставил девочку вжаться в стул, – наказание укрепит твою волю, а раскаяние поможет осознать оплошность, которую ты намеревалась совершить.

Кристи молча кивнула, стараясь не расплакаться. Она знала, Мария не отступит от своих намерений. Эта женщина получала неимоверное удовольствие, унижая и наказывая членов семьи.

– Сегодня, ты останешься без ужина. Отправишься в свою комнату и будешь молить Господа о прощении за свой проступок. Ты можешь солгать мне, но не Ему. Он все видит. И твои действия, и твои мысли. – Мария довольно улыбнулась, восхищаясь своей короткой речью.

– Хорошо, мама. Я поступлю, как ты пожелаешь.

Кристи торопливо встала со стула в надежде, что на этом конфликт исчерпан. Мария же считала, что слова не имеют силы без физического сопровождения. Она со всего размаху наградила дочь подзатыльником. Кристи не вскрикнула, лишь дернулась от боли и поспешила покинуть столовую. В дверном проеме она столкнулась с отцом, несущим графин с водой, но не один из них не взглянул друг другу в глаза.

Мария натянуто улыбнулась и села за стол. Она протянула руки супругу, который тихо сел на стул, и Анне.

– Ну, что же, возблагодарим Господа нашего за хлеб насущный, который мы можем позволить себе отведать сегодня за ужином. Пусть он услышит наши молитвы и не оставит нас в горький час, и снизойдет на нас Его благодать.

Глава 3

Небольшой городок, словно каменный островок, утопал в зелени буйно растущих деревьев. Аккуратные домики конца восемнадцатого – девятнадцатого века, обладали особым шармом, придавая этому месту историческую ценность. Современные постройки прятались под сенью широких крон, как бы стыдясь своего однообразия и простоты. Гармония прошлого и будущего создавала дивный уют и ощущение сказочности.

В городке проживало не более десяти тысячи жителей. Не все они были лично знакомы, но каждый заочно был знаком друг с другом. Маленькое поселение объединяло людей. Горести и радости не проходили бесследно. Город был тихим. Громкие события здесь случались крайне редко. А если и появлялись какие-то проблемы, выходящие за рамки мирной жизни, то казусы становились достоянием общественности, обрастая слухами, долгое время, не давая покоя горожанам.

Странным происшествием, много лет назад, стало самоубийство четырнадцатилетней девочки, сбросившейся со старого каменного моста. Никто так и не узнал о причинах, подтолкнувших ее к этому ужасному поступку, даже родные, считавшиеся образцовой семьей. Констанца и Михай не уехали из города, но страшное событие оставило отпечаток на их жизни. Старший сын не смог смириться с гибелью сестры и покинул отчий дом. Он был тем, кто нашел ее бездыханное тело на камнях у горной реки. И он был не в силах находиться там, где его присутствие напоминало о том злосчастном дне.

Время, хоть и плохой, но все же лекарь. Оно способно ослабить память, затянуть раны рубцами, притупить боль. Вскоре горожане забыли о случившемся. Или делали вид, что не помнят былого. И лишь иногда, в вечерних разговорах стариков, всплывали воспоминания о трагедии.

Городок вновь переполошился. Две осиротевшие девочки, когда-то жившие здесь с родителями, вновь вернулись. Опекунство над ними взяли Констанца и Михай. Судьба затеяла очередную интригу, давая пищу слухам и предположениям.

Дом семьи Ливиану находился на окраине. Небольшой двухэтажный особняк с мансардой, увитый плющом, прятался в тени густого сада. Подъездная дорожка, выложенная кусками серого гранита, между которыми росла короткая жесткая трава, вела от ворот прямо к крыльцу. Под окнами росли розовые кусты. Аккуратно подстриженные, с огромными распутившимися бутонами, они распространяли густой аромат на всю округу.

Старый форд, поскрипывая, въехал во двор, остановившись в двух метрах от входа. Шум мотора привлек хозяев дома. Они вышли на крыльцо, ожидая, пока гости покинут автомобиль. Мужчина и женщина, лет пятидесяти, были празднично одеты, словно собрались на важное торжество. Констанца, полная розовощекая дама в голубом платье в белый горох, нервно потирала руки. Приезд гостей вызвал у нее волнение. Михай, высокий, сухощавый, облаченный в белую рубашку и темные брюки, успокаивающе погладил супруг по плечу.

Из автомобиля вышла Лаура. Она широко улыбнулась. Подойдя к паре, она по очереди обняла каждого. Следом за женщиной из машины вышла Анна. Девочка, пугливо оглядываясь по сторонам, стояла рядом с фордом, не зная идти ей вслед за няней или безопаснее оставаться здесь, рядом с автомобилем. Она все также сжимала в руках потрепанную библию – ее спасательный круг в этом огромном мире.

Лаура жестом позвала Анну к себе. Она неуверенно направилась к няне, не поднимая глаз. Подойдя к ней, Анна взяла ее за руку и прижалась. Констанца и Михай, улыбнувшись, кивнули, понимая состояние ребенка.

– Мы ждали вас намного раньше. Уже начали переживать, что вы не придете, – произнес Михай, мельком взглянув на Анну, которая пыталась спрятаться за няню.

– Во время поездки произошел неприятный инцидент. Он нас задержал в пути.

Лаура кивнула в сторону автомобиля, где сидела Кристи.

– Главное, что вы добрались до нас живые и здоровые. – Констанца улыбнулась, заметив, как Анна украдкой рассматривает ее и супруга. – Пройдем в дом. Я испекла вкусный пирог. Надеюсь, ты любишь сладкое? – последняя фраза предназначалась Анне. Девочка кивнула.

– Идите, идите. Я багаж возьму. – Михай направился к автомобилю.

Женщины зашли внутрь особняка, оставив распахнутую дверь за собой. Михай, подойдя к машине и открыв багажник, стал вынимать из него чемоданы и сумки. Он услышал, как громко хлопнула дверца автомобиля.

– Не трогайте мои вещи! – Голос Кристи прозвучал угрожающе.

Михай удивленно взглянул на стоящую рядом девушку. Ветерок растрепал ее черные волосы. Темные, как смоль глаза, горели злыми огоньками. Кристи, оттолкнув Михая от багажника, вытащила свой небольшой чемодан и, взвалив его на хрупкое плечо, молча пошла прочь от машины. Она не зашла в дом, а направилась вглубь сада. Михай растерянно посмотрел ей вслед.

На пороге дома появилась Лаура. Она провела взглядом Кристи, скрывшуюся за углом дома, затем покачав головой, взглянула на Михая, который не знал, что ему делать: бежать вслед за бунтаркой или же нести багаж в особняк.

– Оставь ее. Она успокоится и сама зайдет в дом.

– А девочка с характером.

– Я предупреждала, что вам нелегко придется. У нее не только переходный возраст, но еще множество чертей в голове.

– Ничего страшного, Лаура, – Михай махнул рукой, – она изменится, вот увидишь. Мы одного сорванца вырастили, а с девчонкой тем более справимся.

– Твои слова – да Богу в уши, Михай.

Лаура печально взглянула на темную стену деревьев, где в глубине сада скрылся хрупкий силуэт Кристи. Она знала, что Михай даже представить себе не может, какого дьяволенка он пригрел. Эту девчонку изменить может лишь чудо. Возможно, если бы ее отправили в закрытый интернат, проблем у пары не было, но никто не хотел разлучать черноволосую бестию с сестрой. А жизнь бок о бок с Кристи сулила лишь кромешный ад.

В гостиной царил полумрак. Настенные светильники, отбрасывая серые тени, излучали тусклый свет. Время от времени лампочки мигали от перепадов напряжения, создавая мистическое ощущение, что в доме обитает призрак. Частично это было правдой. Кристи была похожа на привидение. Она была живым человеком, но ее необычная внешность могла спугнуть любого незнакомца, оказавшегося ночью на улице недалеко от погоста.

Кристи, как ей казалось, незаметно пробралась в комнату, выделенную для нее семейством Ливиану, и закрылась там на ключ. Констанца и Михай сделали вид, что они в неведении, где бродит своенравная девчонка. Они не стали ее беспокоить и приставать с расспросами, только облегченно вздохнули, узнав, что она дома.

Время ужина уже прошло. Кристи так и не вышла из нового убежища. Даже ароматные запахи кулинарных изысков, так заботливо состряпанных Констанцей, не смогли выманить девочку из комнаты.

Плотное поев, Анна, вместе с опекунами удобно расположилась на диване перед телевизором и с упоением смотрела какой-то фильм. Она, как и прежде, сжимала в руках потрепанную Библию. Беспокойство и скованность, которые еще пару часов назад мрачной тенью лежали на ее лице, испарились.

– Почему Лаура не осталась с нами? – Анна, оторвавшись от экрана, обратилась к Констанце.

Женщина повернулась к девочке, одарив ее искренней улыбкой.

– Милая, у Лауры есть семья. Она должна быть с ними. Когда-нибудь она обязательно придет в гости к вам.

Констанца знала, что в ближайшее время няня вряд ли захочет проведать девочек. И дело не в том, что она их не любила, наоборот она души в них не чаяла. Она устала. Устала от террора Марии, от выходок Кристи. Ей нужен был отдых. Она придет, но когда Констанца не знала. Лауре нужно было время.

– Котенок, теперь мы ваша семья, – вмешался в разговор Михай. – Ваши родители нам вас доверили, и мы позаботимся о тебе и сестре. Обещаю, скучно не будет.

Михай добродушно улыбнулся и приобнял жену. Они были милыми людьми и, несомненно, их обещания не были пустыми. Но они что-то скрывали. Анна чувствовала это. Какая-то тайна была в этом доме, в сердцах этих людей. Что за секрет хранило семейство Ливиану, девочка не догадывалась, но надеялась узнать о нем в ближайшее время.

– Я могу вас кое о чем спросить? – Анна потупила взор.

– Конечно милая, – Констанца погладила девочку по руке.

– Три года назад мы уехали из этого города. Мои родители еще задолго до отъезда перестали с вами общаться, а поведение сестры изменилось до неузнаваемости. Что произошло тогда?

Констанца в замешательстве убрала свою ладонь с руки девочки и взглянула на мужа. Но и он не мог дать ответ на заданный вопрос.

Она помнила причину, которая отдалила ее от Марии. Нет, не было ссор, предательства, скандалов. Огромная стена выросла между подругами благодаря одной вещи – религиозному фанатизму, которой захлестнул Марию, превратив нормальную женщину в сумасшедшую. Вера в бога переросла в безумие, которое разрушило многолетнюю дружбу, унижало детей и супруга, обезличивало человеческую сущность.

Констанца помнила тот день, когда погибла ее дочь. Она помнила, как Мария вместо того, чтобы поддержать подругу, излила на нее тонны негатива. Она без перерыва твердила, что ее дочери место в преисподней, где самоубийцы расплачиваются за грехи. В ее речах было злорадство, надменность и не капли сочувствия. Она говорила и говорила, что нет прощения поступку ее дочери, что лишь муки ждут ее в загробной жизни. И у Констанцы внутри что-то сломалось. Она с сожалением смотрела на Марию и чувствовала, как ворота ее души закрываются перед этим человеком. Она не видела в Марии друга, а только несчастную женщину, для которой религиозные каноны важнее, чем людские чувства. Констанца понимала, что никогда не сможет доверять этой женщине, никогда не попросит помощи, никогда не простит ее.

Констанца более не поддерживала связь с Марией. Городок был маленький, и новости о подруге она узнавала от третьих лиц. Внезапный отъезд удивил Констанцу. Мария с семьей уезжали в спешке, словно за ними гнались адовы гончие.

Звонок Лауры прозвучал, как гром среди ясного неба. Несчастный случай. Осиротевшие девочки. Завещание. Опекунство. Все это стало неожиданностью для Констанцы, словно прошлое отчаянно пыталось прорваться через завесу времени и получить шанс на новую жизнь.

Чувства смешались в огромный ком. Здесь была и скорбь по погибшей, пусть безумной, но все – таки подруге. И радость, что в доме вновь зазвучит детский смех.

Констанца любила детей. Смерть дочери нанесла ей двойной удар. Вместе с ней она потеряла и сына. Нет, он не умер. Он был жив. Просто его не было рядом. Временами от него приходили короткие письма с сухим текстом, где говорилось о том, что у него все хорошо. Уже давно он не навещал родителей. Порой Констанце казалось, что если бы в доме не было его фотографий, она и не вспомнила черты лица своего старшего ребенка.

Вопрос Анны застал Констанцу врасплох. Она не знала ответа. Рассказывать девочке о безумстве ее матери, разрушившей их многолетнюю дружбу, она не желала, а причину их торопливого отъезда ей была неведома.

– Я не знаю, – тихо произнесла Констанца, глядя на Анну.

Михай чувствовал, что супругу нужно срочно выручать иначе она либо расплачется, либо скажет что-то лишнее.

– Все! Хватит разговоров на философские темы. Девочки, лучше мы попьем чаю с печеньками. Констанца, любимая, ты же испекла не только пирог, но и другие вкусняшки?

– Да, кое-что у меня есть, – улыбнулась женщина, почувствовав облегчение, что тяжелый разговор на сегодня окончен.

– Так что ты до сих пор сидишь? Пойди, поставь чайник, мы сейчас с Анной отправимся на кухню и оценим твое кулинарное мастерство. Верно, милая?

Анна, улыбнувшись, кивнула.

– Может и сестру твою позвать? Она весь день не ела, – поинтересовался Михай.

– Это плохая идея, вы только разозлите ее. Она выйдет из комнаты, лишь, когда сама пожелает.

– Ну, и ладно. Значит, сами все съедим, – подмигнул Анне Михай.

На первый взгляд комната казалась абсолютно темной. Когда глаза привыкали к мраку, можно было заметить свет уличного фонаря, который, как вражеский лазутчик, проникал через распахнутое окно, и тускло рассеиваясь, вырисовывал черты скромного интерьера спальни. В комнату через окно также струился пряный аромат роз, растущих прямо у стены дома. Легкий ветерок ласкал лепестки, с каждым разом усиливая тягучий цветочный запах. Обезумевшие от августовской жары сверчки устроили в саду шумный концерт. Их оркестр даже перекрывал звук телевизора, доносящийся из гостиной.

Кристи сидела на широком подоконнике, упершись ступнями в деревянную раму. Ее лицо выглядело мертвецки бледным. Оно не выражало ничего. Темные глаза были пусты, словно их хозяйка действительно была мертва давным-давно. Кристи курила. Она медленно выпускала дым, наблюдая, как он превращается в фантастические фигуры, стремящиеся к темному небу, усыпанному мириадами звезд. Девочка любила наблюдать за дымом, он ее успокаивал.

Кристи сделала последнюю затяжку, потушила сигарету о подоконник и выбросила окурок в розовые кусты. Спустившись с подоконника, она торопливо подошла к двери, прислушалась. В гостиной звучали монотонные голоса. Проверив, заперта ли дверь, Кристи, для надежности, взяла стул и спинкой подперла ручку. Убедившись, что в комнату к ней не попасть, девочка схватила с постели небольшой рюкзак, накинула на плечо и, подойдя к окну, взглянула вниз. Невысоко. Толстые ветки плюща помогут ей забраться обратно, а спуститься вниз, она может одним прыжком. Правда существует вероятность поцарапаться о шипы роз. Но раны ее не страшили. Ей нужно было отправиться в город.

Кристи помнила это место. Она не забудет никогда, что случилось здесь. Она должна отыскать обидчиков и совершить возмездие даже ценой своей жизни.

Кристи села на подоконник и свесила ноги вниз. Девушка прыгнула. Ни одна ветка не хрустнула. Ни один лист не сорвался с куста. Она растворилась в ночи и исчезла во тьме, словно кошка, отправившаяся на охоту.

Глава 4

Утро было ясным. Ярко-голубое, августовское небо слепило глаза, обещая жаркую сухую погоду. Легкий ветерок, колышущей ночью лепестки роз, стих, уснув в густых ветвях деревьев. Цветы на клумбах полностью раскрыли свои бутоны. Тягучий, как карамель, аромат окутал сад и прилегающие к нему территории, опьяняя случайных прохожих. Утреннюю тишину нарушал оркестр цикад, прячущихся в высокой траве. Музыканты разошлись не на шутку. Их стрекот разносил по всей округе победный марш.

Констанца в цветастом фартуке, напевая незатейливую мелодию себе под нос, сервировала стол к завтраку. За много лет ее настроение впервые было восхитительным. Она чувствовала, что вскоре все изменится.

На кухню вошла Анна, сладко зевая. Девочка с наслаждением вдохнула аромат свежеспеченной сдобы и распустившихся за окном роз.

– Как вкусно пахнет, – одарила она похвалой хозяйку дома и плюхнулась на стул.

– Булочки по рецепту моей покойной тетушки. Сейчас дам тебе отведать, – улыбнулась Констанца и протянула рогалик с аппетитной золотой корочкой.

Анна взяла еще теплое лакомство в руки, но есть не стала.

– Доброе утро, – Михай вошел на кухню, чмокнул жену в щеку и потрепал Анну по волосам, – так, что тут у нас раздают? Ага! Знаменитая выпечка тетушки Милены.

Михай взял рогалик с корзины и тут же откусил его. Зажмурившись от удовольствия, как кот, он с наслаждением стал пережевывать сдобу. Анна удивленно посмотрела на него, затем на свою булочку, потом перевела взгляд на Констанцу.

– А перед едой молитву произносить не станем? – голос Анны звучал растерянно.

Супруги переглянулись. Констанца улыбнулась и подошла к девочке, присев рядом с ней на корточки. Она взяла ее свободную руку в свои ладони и с теплотой произнесла:

– Милая, молиться каждый раз перед едой не обязательно. Господь читает твои мысли. А я уверена, что ты частенько благодаришь его. Нет нужды произносить вслух каждый раз. Он знает все!

– Если ты захочешь поесть, то ты всегда можешь сходить на кухню и взять, что пожелаешь. А в своих молитвах поблаговаришь Бога, – добродушно произнес Михай.

Анна с сомнением взглянула на опекунов, затем на рогалик в руке.

– Мама не разрешала нам приступать к еде, пока не произнесена молитва.

– Ну, если мы будем каждый раз следовать этому правилу, то я похудею, – рассмеялся Михай, погладив себя по животу, – мы все похудеем, и нас унесет на Северный полюс ветром. Да и вообще, мне противопоказано быть голодным.

– Это почему? – Удивленно вздернула брови Анна.

– Когда я голоден, то я зверею и хочу слопать маленьких девочек. Rrrrrr!!! – Михай поднял руки вверх, словно медведь лапы, и медленно, шатаясь из стороны в сторону, стал приближаться к Анне.

Девочка завизжала, прижалась к Констанце, с любопытством выглядывая из-за плеча. Михай внезапно остановился. Взглянув на рогалик в руке, он быстро запихнул его себе в рот и довольно погладил себя по животу. Анна звонко залилась смехом.

– Чудеса! Я перекусил и снова стал человеком. Теперь ты понимаешь, что мне совсем не хочется есть маленьких девочек. Лучше я съем еще одну булочку, испеченную моей любимой женой.

Михай вновь взял из корзины рогалик.

Анна улыбнулась, взглянула на Констанцу и тоже надкусила булочку, которая успела остыть. Она с аппетитом съела кусочек.

– Спасибо. Действительно очень вкусно, – поблагодарила она Констанцу. Женщина улыбнулась, поцеловала Анну в лоб и встала на ноги.

Констанца подозревала, что в семье Марии случилась беда. Бывшая подруга не пришла к ней поделиться горькими известиями. Она была слишком горда и боялась пересудов. Но городок был очень мал, и новости разлетались по нему с молниеносной скоростью. Местные жители обожали чрезвычайные происшествия, которые в этих местах происходили крайне редко. Гибель дочери Констанцы была изъезженной темой, ведь с момента самоубийства девочки минуло три года. А случай со старшей наследницей Марии, попавшей в больницу, породил много слухов. Еще больший интерес вызвал тот факт, что после выписки семья спешно покинула город. К сожалению, любопытство горожан не было удовлетворено в полной мере, так как Мария позаботилась, чтобы причина недуга дочери не просочилась дальше больничных стен. Возможно, она пригрозила судебными разбирательствами, а может быть и подкупила кого-то.

Констанца предполагала, что у девочки случился нервный срыв или депрессия. Она не стала вдаваться в подробности и расследовать жизнь подруги и ее семьи. Но кое-что беспокоило ее. На одно лишь мгновение в голове Констанцы промелькнула мысль. Не связан ли случай Кристи с суицидом ее дочери? Но это была лишь мимолетная мысль, и вскоре она забыла об этом.

Сейчас, когда Кристи вернулась в город, Констанцу, как и остальных жителей, распирало любопытство. Она подсознательно ощущала, что агрессивное поведение девочки связано с какой-то тайной. Мария унесла этот секрет в могилу. Лишь сама Кристи могла бы дать ответы на вопросы мучающие Констанцу. Но была одна проблема. Своенравная девчонка не желала идти на контакт. Попытки выведать какую-либо информацию у Анны, тоже могли обернуться провалом. Ребенок был слишком мал и вряд ли мог рассказать что-то дельное.

Констанца, отложив вязание, взглянула на Анну, которая, свернувшись калачиком рядом с ней, тихо сопела на диване в гостиной. Настенные часы пробили полдень. Девочка вздрогнула, но не проснулась. Констанца вздохнула и продолжила вязать берет, который предназначался маленькому спящему ангелочку. С приездом сестер, женщина почувствовала необходимость в своем забытом хобби. Ей нравилось работать спицами, создавать аксессуары или свитера. Она помнила, с какой радостью ее дочь носила береты и шарфы, связанные матерью. Возможно, и девочки когда-нибудь станут носить вещи, созданные с любовью.

В доме громко хлопнула дверь. Констанца оторвала взгляд от спиц и посмотрела в сторону прихожей. В проеме двери показалась Кристи, облаченная в черные джинсы и в широкую кофту с длинными рукавами такого же цвета. Августовская жара видимо совсем не пугала девочку, раз она так тепло оделась.

– Добрый день! Есть не хочешь? – Поинтересовалась Констанца.

Кристи вздрогнула, услышав ее голос. Девушка надеялась, что домочадцев нет, и она спокойно улизнет через парадный вход. Но раз ее застали врасплох, то Кристи была обязана выйти из сложившейся ситуации победителем. Она посмотрела на

Констанцу с безразличием и холодно произнесла:

– Спасибо, я не голодна. Я хочу прогуляться. Можно? – в последнем слове промелькнул сарказм.

Констанца, улыбнувшись, кивнула.

– Конечно, но не забывай кушать. Ты совсем исхудала.

– Я способна о себе позаботиться. Не стоит утруждаться и пытаться изображать мою мамашу.

Кристи, закончив фразу, тут же покинула дом. Может она боялась, что Констанца, как и Мария, бросится за ней следом, дабы остановить, сыпя в ее адрес проклятья. Но Констанца удивленно молчала. Она пыталась осознать, в чем провинилась и почему заслужила такое негативное отношение.

– Раньше она была совсем другой, – Анна проснулась от громкого голоса сестры, – она была милой. Всегда играла со мной. Доброй, отзывчивой – такой моя сестра была здесь в этом городе. Перед переездом все изменилось. Вначале Кристи заболела. Приехали врачи и забрали ее в госпиталь. После мама сообщила нам, что мы уезжаем. И мы уехали. Там, в новом доме Кристи словно подменили. Моя сестра перестала быть сестрой. Она превратилась в чудовище. Часто к нам в дом навевалась полиция. Она стала странно одеваться, слушать ужасную музыку, устраивать драки.

Констанца, не веря своим ушам, с сомнением смотрела на Анну, лицо которой в данный момент выражало абсолютное безразличие: стеклянный взгляд, застывшая маска отрешенности. Сейчас девочка, как никогда, была похожа на Кристи.

– Это не самое страшное, что могла натворить моя сестра. Настоящим кошмаром были ссоры с мамой и проделки Кристи в церкви. Когда они скандалили, наш дом трансформировался в место боевых действий: разбивались стекла и посуда, рвалась одежда и ломались вещи. А когда моя сестра приходила на мессу, то храм становился аренной цирка. Кристи скидывала свечи, уничтожала библии и песенники прихожан. А однажды даже сбросила с себя одежду, прямо на глазах у священника.

– Поверить не могу... – Констанца от ужаса прикрыла рот рукой.

– Маме не стоило насильно тащить сестру в церковь. Но вы же знали мою мать. Она упряма, – Анна запнулась, – вернее была упрямой. Кристи тоже такая. Она никогда не отступает.

Анна закончила свой рассказ. Констанца растерянно смотрела на девочку и не могла найти слов. Услышанное повергло ее в ступор.

– Милая, а папа с мамой не показывали сестру доктору? – Тихо задала вопрос Констанца.

Анна грустно улыбнулась, убирая с лица выражение отрешенности. Она осознала, что пугает Констанцу, но женщина должна была знать, что под крышей ее дома поселился настоящий дьявол во плоти.

– И психиатру показывали, и священнику. Мама считала, что в сестру вселился бес. А преподобный сказал, что Кристи всего лишь бунтующий подросток.

– Поверить не могу... – Констанца покачала головой.

– Поверите, когда сестра покажет свое истинное лицо. Вы поймете, что лучше бы она никогда не выходила из комнаты. Мне жаль, что вам придется испытать все ужасы, которые она собирается натворить. Мне очень жаль. Если бы я могла предотвратить это... Но, увы, меня она слушать не станет. Я для нее лишь маленькая копия матери, которую она так ненавидела.

Глаза Анны наполнились слезами. Констанца обняла девочку, прижав к груди. Она молча гладила ее по волосам, а в ее голове ошалело крутились мысли. Если Анна не приукрашивает, то скоро в семье Ливиану взорвется бомба. То, что казалось Констанце спасением, на самом деле являлось началом кошмара. Нет, напрасно она надеялась, что наступили спокойные времена. Гроза собирала темные тучи над ее домом. И сегодня – завтра буря обрушится разрушительным катаклизмом. И только чудо поможет избежать жертв.

Полдень был жарким. От зноя мощеная мостовая раскалилась подобно лаве. Жара распугала горожан, спрятавшихся в прохладе домов, офисов, магазинов и кафе. Даже тенистые улочки не могли спасти от безжалостного солнца, его жгучие лучи проникали всюду. Они иссушали листву, нагревали черепицу зданий, обжигали кожу. Даже деревянные скамейки нагрелись до такой степени, что напоминали варочную поверхность раскаленной печи. Август

стовский зной не думал ослаблять хватку, заставляя все живое истекать потом и томиться от жажды.

Кристи не страшна была жара. Она ее не ощущала. Девушка медленно шла по центральной улице с сигаретой в руке. Редкие прохожие с удивлением, или осуждением, смотрели на нее, принимая за сумасшедшую, которую случайно занесло в их спокойный городок. Раскрасневшиеся, мокрые от пота, утомленные палящим солнцем, они бегло оглядывали незнакомку, бредущую по пустынным переулкам. Она, словно призрак, плыла в струях жаркого воздуха, поднимающегося из земли.

Кристи было плевать на этих любопытных людишек. Их мнения не интересовало девушку. Она была настолько увлечена поисками, что не придавала значения мелочам. Она искала. Ее цель, за три года, достаточно умело замаскировалась среди разросшихся кустарников самшита и терновника. Стены поросли диким виноградом. Высокие раскидистые клены скрывали ветвями старую остроконечную крышу. И лишь память Кристи твердила без умолку, что это именно то место, которое она ищет.

Старая католическая часовня притаилась за каменным забором и стеной из буйной растительности. У самой калитки церковного дворика росли аккуратно подстриженные кусты белых роз, источающие вязкий, приторный аромат. Эти цветы росли в этом городе повсюду: на клумбах, аллеях, кладбище, в парке, на балконах, в садах. Когда-то Кристи нравились розы. Их нежные лепестки. Насыщенный пряный запах. Но времена поклонения королевским цветам прошли, теперь девушка ненавидела их. Этот аромат вызывал рвотный рефлекс.

Кристи подошла к ограде и сорвала бутон. Она смяла его, разрывая лепестки пальцами. Кристи почувствовала, как волна ярости нахлынула на нее. Она, словно обезумев, стала срывать цветы, бросать на землю и неистово топтать. Она рвала и рвала бутоны, не замечая, как острые шипы оставляют на ее ладонях алые полосы. Девушка не чувствовала боли. Ярость затмевала все. Лишь когда на злосчастном кусте не осталось ни одной розы, ее отпустило. Взглянув на ковер из лепестков под ногами, на руки исполосованные шипами, Кристи глубоко вздохнула и вытерла окровавленные ладони о черные джинсы. Откинув волосы назад, она отворила калитку, вошла в церковный двор и направилась к небольшому каменному зданию.

Внутри часовня казалась еще меньше, чем снаружи. Там было не более два десятка скамеек, чуть ли не вплотную прижатых к колоннам, отделяющих центральный неф от стен, которые украшали узкие окна из цветных витражей. Деревянное распятие Христа было огромным. Оно пугающе нависало над алтарем и казалось, что однажды с грохотом упадет на священника ведущего мессу. Орган, расположенный в небольшой лоджии, был невелик, но наверняка производил достаточно громкие звуки в унисон хору из трех человек, ютящихся в сторонке. Сейчас, в обители Господа, было пустынно и тихо. Ни пения псалмов, ни громкого гласа священнослужителя, ни ропота прихожан. Единственный храм городка был брошен и забыт своими верными почитателями.

Кристи бесшумно прикрыла за собой тяжелую деревянную дверь с резными узорами, изображающими сцены из библейских историй. Она неторопливо огляделась. Кристи прекрасно помнила это место. Здесь прошло ее первое причастие, сюда она ходила на исповедь. Она помнила старого священника. Отец Илия был хорошим и добрым человеком и свято верил, что Господь всемогущ и милостив. Кристи уважала преподобного и любила посещать это место до той злосчастной ночи. Но сейчас все было иначе. Ей жаль было святого отца, на глазах у которого она выросла. Девушка знала, что сейчас принесет священнику одни разочарования, но изменить себя она не могла. Ее ненависть была превыше любви.

Кристи медленно пошла по проходу, направляясь к алтарю. Она пыталась взглядам отыскать хоть одного живого человека, но часовня казалось покинутой. Лишь тихое эхо ее шагов, по мраморному полу, нарушало гробовую тишину многовекового строения.

– Эй!!! Кто-нибудь есть здесь? – Голос звонко отразился от каменных стен и высокого свода часовни. – В этом месте нет никого? Ни бога, ни черта?

Внезапно послышался тихий скрип двери. Из-за исповедальни, где находился служебный вход, вышел пожилой человек. Он был абсолютно седым и опирался на деревянную резную трость. Кристи внимательно оглядела его. Она прекрасно помнила преподобного. Тот был стар, но совершенно не походил на представшего перед ней мужчину преклонных лет, в скромной мирской одежде.

– Добрый день! Я могу вам чем-то помочь? – Поинтересовался старик, с нескрываемым любопытством осматривая незнакомку. Он заметил, как она прячет руки за спиной, но не придал этому значения.

– Вы не священник.

– Да, я не священник. Я сторож. Святой отец несколько дней назад скончался. Его преемник должен прибыть в город сегодня вечером. Если вы хотите посетить службу или исповодаться, приходите завтра.

Кристи громко рассмеялась и затаилась почти догоревшей сигаретой. Старик чувствовал, что пахло гарью, но не предполагал, что незнакомка настолько бессовестная, чтобы курить в часовне. Он нахмурился, смотря, как девица выпускает клубы дыма.

– Меня не интересует церковная психотерапия, распевание псалмов и тем более проповеди. Спасибо за информацию, – ухмыльнулась Кристи, наблюдая за нарастающим презрением в глазах сторожа.

– В Божьем храме нельзя курить. Пожалуйста, потушите сигарету.

– Как скажете, – девушка бросила тлеющий окурок на каменный пол и выдохнула дым прямо в лицо старику. На ее лице играла злорадная улыбка. Мужчина промолчал. Он брезгливо поднял окурок и, развернувшись, пошел прочь от нее.

– Ну, и черт с тобой! – плюнула в его сторону девушка и быстрым шагом направилась к выходу.

Громко захлопнув за собой дверь, она зажмурилась от ярких лучей солнца. Она была раздражена, хотя ее радовала мысль, что старый священник отправился на тот свет, и не станет свидетелем бесчинств, которые девушка намеревалась совершить в ближайшее время.

Михай сидел в автомобиле перед домом и держал в руках плюшевого медведя, купленного сегодня в магазине. Он случайно увидел медвежонка на витрине и вспомнил, точно такая же игрушка была у его дочери. Она всюду ее таскала с собой, даже когда ей исполнилось четырнадцать. Она все время твердила, что это ее талисман. Михай тяжело вздохнул. Талисман, которому не удалось уберечь его принцессу. Талисман, который пропал, оставив в одиночестве лежать его девочку на холодных камнях. По морщинистой щеке мужчины скатилась слеза. Он торопливо вытер ее.

Михай помнил, как долго они с супругой оплакивали потерю. Сколько времени они потратили на поиски причины ее поступка. Изначально они винили себя. Затем немного успокоившись, стали копаться в вещах дочери, в надежде отыскать зацепку. Но все старания были тщетны. Ответов не было, а отчаяние не уходило. Душевная боль затаилась в закоулках души, словно ядовитая змея среди скал. В самые невыносимые часы скорби она впивалась клыками, отравляя мысли сомнениями и страхами.

Появление Анны и Кристи в доме семьи Ливиану было чудом. Михай знал – это второй шанс данный им свыше. Возможность исправить ошибки прошлого. И на этот раз Михай не позволит случиться чему-нибудь плохому. Он сможет уберечь девочек от беды, подстерегающей их в этом городе, на первый взгляд таком спокойном и безопасном. Они с женой справятся с любыми трудностями. Приемных дочерей они уберегут от всех ненастий, стараясь сделать их жизнь максимально счастливой.

Михай сделал глубокий вдох, открыл дверь и вышел из автомобиля. Он направился к дому, сжимая крепко в руках плюшевого медвежонка.

В доме приятно пахло едой. Михай слышал, как Констанца на кухне гремит посудой, колдуя над ужином. Анна сидела в гостиной и читала Библию.

– Добрый вечер! Как провели свой день, мои любимые девочки?

Анна оторвалась от чтения и широко улыбнулась.

– Добро пожаловать, дорогой. Я скоро закончу приготовления, и мы сядем за стол, – громко крикнула из кухни Констанца.

– Я кое-что тебе принес. Я понимаю, что ты большая девочка и тебе не интересны игрушки. Но этот парень так просился пожить у нас дома, что я не смог ему отказать. Ему срочно нужен друг. Я ему рассказал о тебе. Надеюсь, ты не против дружить с такой симпатягой?

Михай протянул медведя Анне. Девочка отложила книгу в сторону и взяла игрушку в руки, с интересом рассматривая ее.

– Спасибо. Я совсем не против. Давно мечтала подружиться с плюшевым мишкой.

– Вот и прекрасно. Мне сегодня удалось совершить два добрых дела. Осчастливить игрушечного медведя и милую девочку, – Михай подмигнул Анне и отправился на кухню.

Констанца торопливо накладывала мясное рагу на широкое фарфоровое блюдо. Рагу источало аппетитный аромат, от которого у Михая заурчало в животе.

– Еще раз добрый вечер, милая, – он ласково чмокнул супругу в щеку.

– Привет, привет. Как настроение? Устал? – Констанца, не отрываясь от дел, постаралась проявить внимание к мужу.

– Немного. Жара утомляет. А вообще день прошел прекрасно, а как вы? Кристи вышла из комнаты?

Констанца отложила лопатку и рагу в сторону и взглянула на супруга.

– Вышла. И ушла в город. До сих пор она не вернулась И я начинаю беспокоиться.

– Не переживай, ничего с ней не случится. Ей почти восемнадцать, она взрослая девочка и сможет за себя постоять. Да и наш городок маленький. Если бы что-то произошло, то мы бы первыми узнали, – Михай успокаивающе погладил Констанцу по плечу. Женщина, тяжело вздохнув, отрицательно покачала головой.

– Боюсь, милый, ситуация с этой девочкой куда хуже, чем мы предполагали, – произнесла она шепотом, остерегаясь, что ее услышит Анна.

Михай с недоумением взглянул на жену.

– О чем ты говоришь?

– Дело в том...

– Кристи всегда возвращается.

Супруги, от неожиданности, одновременно вздрогнули. В дверном проеме стояла Анна, прижимая к себе медведя.

– Она всегда возвращается или сама, или в сопровождении полиции.

Михай нервно засмеялся, вопросительно взглянув на Констанцу. Та беспомощно развела руками, с любопытством смотря на игрушку в руках ребенка.

– Так, не будем говорить о плохом. Кристи скоро вернется, без всякой полиции. Медведя я купил специально для Анны, – последняя фраза предназначалась Констанце.

Михай заметил облегчение на ее лице. Жена наверняка подумала, что нашелся медвежонок их дочери.

– Мы сейчас успокоимся и сядем ужинать. Кристи поест, когда вернется. Она не английская королева, чтобы все ее ждали к трапезе. А ты, Анна, помнишь, что если я голодный я начинаю...

– Звереть!!! – воскликнула радостно Анна и они с Михаем в голос зарычали, изображая медведей с поднятыми вверх лапами.

Констанца улыбнулась, глядя как ее муж дурачится с приемной дочерью, за два дня ставшей такой родной. Если бы с Кристи было также легко, как с Анной – в семействе Ливиану наступила бы идиллия.

Город спал, накрытый темным покрывалом ночи с тусклым рисунком уличных фонарей. Он отдыхал от дневной суеты и августовского зноя. Пение сверчков, да лай встревоженной собаки, изредка нарушали тишину, но это не беспокоило горожан. Недовольство местных жителей вызывали лишь ночные бары, которые были раскинуты по самому центру. Туристы и местные пьяницы не упускали случая повеселиться в злачных местах. Заведения были оборудованы по стандартным нормам. Гул голосов и музыка не просачивались на улицу, но посетители, покидающие их, порой производили больше шума, чем толпа обезумевших фанатов футбола.

В одном из темных переулков, который освещал старый ржавый фонарь, находился вход в паб. Когда дверь открывалась, то на улицу несся поток громких пьяных голосов, который перебивал даже звуки джаза из огромных колонок у барной стойки. Шум обычно означал, что очередной почитатель крепкого алкоголя в раздумье стоял на пороге. Его затуманенный мозг представал перед выбором: изрыгнуть содержимое своего желудка прямо на ступени и вернуться обратно к приятелям, либо отправится домой и погрузится в беспокойный сон, а наутро испытать все мучения тяжелого похмелья. Обычно выбор падал на первый вариант. И счастливый оптимист, обтерев рукавом, остатки пищи на лице, возвращался в благоприятную среду.

В нескольких метрах от входа, на безопасном расстоянии от желудочных испражнений и отвратительных запахов, стояла Кристи. Она медленно выпускала сигаретный дым, с неприязнью смотря на пьяниц, которые пили до потери сознания и не спешили покидать злачное заведение. Рядом с ней, прислонившись к стене здания, стоял мужчина лет тридцати, с бутылкой пива в руке. Он был высок, худощав, с легкой щетиной на лице. Кожаная куртка и потертые джинсы были не новы, но смотрелись весьма опрятно. Парень совсем не походил на местных алкашей, хотя частенько заглядывал в этот бар. Заметив, что девушка с отвращением смотрит на беднягу, переборщившего со спиртным, он усмехнулся.

– Не самое приятное место для девушки.

– Видала места и похуже, – резко произнесла Кристи и скривилась, когда увидела, как бедолага стоящий на пороге споткнулся и упал лицом в собственную рвоту.

– Интересно. Где может быть хуже, чем в этой чертовой дыре? Этот город прячется днем под маской приличия, а ночью миру открывается его истинное лицо. Уродливое, пугающее. Он выпускает демонов из нор и начинается настоящее веселье.

Кристи с безразличием взглянула на Ливиу, с которым познакомилась в этой зловонной забегаловке час назад. Он ее не раздражал, не приставал с расспросами о жизни, не пытался пожалеть или осудить. Он просто общался с ней, словно они были старыми приятелями. Ее устраивало, что этот брутальный тип чем-то похож на нее.

Кристи выбросила потухший окурок на землю. Еще раз с пренебрежением взглянула на барахтающегося у порога алкаша, и сухо произнесла:

– Мне пора идти.

– Еще нет двенадцати, Золушка, останься.

– Не могу, я должна вернуться. Если у меня получится ускользнуть незаметно из дому, то мы еще увидимся, но чуть позже.

Ливиу одобрительно улыбнулся. В его темно – зеленых глазах появился легкий пьяный блеск. То ли пиво ударило в голову, то ли слова девчонки, подействовали на него, как алкоголь.

– Возвращайся. Я буду здесь. Из этого болота сложно выбраться. Трясина затягивает тебя все глубже и глубже, и ты не успеешь оглянуться, как оказываешься на самом дне.

Кристи нервно дернула плечами, смотря на парня, ударившегося в философию. У нее не было времени продолжать беседу. Она должна вернуться до полуночи, чтобы приемные родители не закатили скандал.

– До встречи. Провожать не надо.

– До, встречи, ночная пташка.

Ливиу поставил пустую бутылку рядом с собой на тротуар. Он смотрел на Кристи, которая все не могла оторвать взгляд от забулдыги, ползающего у порога. Он заметил, что в глазах девушки промелькнули искры жалости к недееспособному пьянчуге. Но через мгновение ее взгляд стал вновь холодным, она развернулась и пошла прочь из переулка.

Ливиу проводил ее взглядом. Ее лицо ему было знакомо. Он где-то раньше видел Кристи? Парень тщетно пытался разблокировать свои воспоминания. Ничего путного ему на ум не приходило.

– Помочь? – без всякого интереса спросил Ливиу, подойдя к пьянице, тщетно пытающемуся подняться с земли.

– Неа... Я сам... Я могу...

Ливиу пожал плечами и, переступив лужу рвоты, вошел в бар. Спасение утопающего – дело рук самого утопающего. В этом городе выживали слепцы, не желающие верить во тьму окружающую их, или сильные духом люди, которые пройдя через огонь и воду с кровоточащей раной в душе, продолжали жить всем назло.

Анна давно спала в своей комнате, нежно прижав к себе плюшевого медведя. На ее лице отражалась улыбка. Ей снилась волшебная страна, где близкие и родные люди были живы и счастливы.

В гостиной семьи Ливиану царил покой. Супруги обнявшись сидели на диване и смотрели вечернее шоу, в котором неуклюжий парень постоянно попадал в неприятности. Каждая его неудача вызывала закадровый смех.

Входная дверь тихо закрылась. Констанца повернула голову. Кристи молча прошла по коридору, даже не взглянув в сторону опекунов. Женщина хотела что-то сказать, но Михай остановил ее.

– Не надо. Оставь ее. Она вернулась и с ней все в порядке. Если она пожелает заговорить с нами, то сама придет.

– Я волнуюсь за нее. А вдруг она принимает наркотики или алкоголь. Если мы не остановим ее сейчас, потом будет поздно.

Михай ласково обнял жену за плечи и поцеловал в лоб.

– Не переживай. Она не похожа на наркоманку, да и не пьяна, как я погляжу, походка ровная, – он улыбнулся.

– На душе у меня не спокойно...

– Прекрати грустить. Я не позволю тебе встречать сына в таком настроении. Соберись! Иначе при виде твоего печального лица, он снова сбежит!

Констанца улыбнулась, легко оттолкнув мужа от себя.

– Не сбежит. Я очень надеюсь на это. А если он попытается свой трюк повторить снова, я свяжу его и запру в чулане. Три года долгий срок. Какой он сейчас? Изменился ли?

Михай снова обнял супругу.

– Сегодня узнаем, ты повремени с радикальными мерами. Чулан – это интересная идея, но не эффективная. Чудесно, что он решил вернуться, возможно, надолго.

– Надеюсь навсегда, – вздохнула Констанца.

Часть вторая. Виржилиу

Предисловие

Монстры живут среди нас! Огнедышащие драконы, гадкие горгульи, прожорливые василиски, кровожадные вампиры. Они неустанно рыщут по улицам в поисках пищи. Они терпеливо ждут в засаде долгими годами, чтобы наброситься на зазевавшуюся жертву и в одно мгновение разорвать ее в клочья. Они ведут свою дьявольскую охоту каждый день, каждый час, каждую минуту. Монстры, подобно хамелеонам, незаметно меняют свой облик. Их не отыскать в толпе невооруженным взглядом. Не разгадать их замыслы, прячущиеся под толстым панцирем. Не обнаружить их замаскированное логово.

Монстров порождают люди! Они словно Боги, ваяют их при помощи безразличия, предательства, высокомерия, надменности и черствости. Каждое чудовище – это плод людских пороков. Очередной монстр – это невинная душа, оказавшаяся жертвой на алтаре человеческого малодушия. Попав в руки невидимого скульптора, бедолага обречен на муки, которые изуечат его сущность, изменяют сознание. Темный творец без анестезии вырежет, словно из камня, иное существо с человеческой плотью и с душою демона.

Монстры живут в нас! Они спят крепким глубоким сном за семью закрытыми дверями. Нужна мощная сила, чтобы сломить врата и разбудить чудовище. Но если последняя преграда рухнет, и безжалостная тварь вырвется на волю, то загнать ее обратно в темницу будет нелегко, а порой вовсе невозможно.

Я сумел приручить демона внутри себя! Я обрел успокоение! Я приложил все силы, чтобы не утратить человеческое обличье!

Мой проклятый, лютый двойник никогда не оставит попытки вновь овладеть моим сознанием, чтобы вырваться на свободу. Холодными темными ночами он впивается острыми, как бритва зубами мне в душу и начинает терзать ее, упоая сломить меня. И только благодаря Вере я еще не стал пленником монстра. Надежда дает мне силы для борьбы с ним. Любовь Господа – освещает мне путь во мраке, где чудовище разбросало капканы.

Я – луч солнца в темном королевстве! Я тот, кто призван служить Всевышнему до конца дней своих. Я способен исцелить невыносимую боль Словом Божьим, развеять страхи и сомнения, наставляя на путь истинный заблудшие души! Мой долг – нести свет туда, где непроглядная тьма стремится захватить в плен слабых и беззащитных существ. Я – глас Господа на Земле! Я – священник!

Глава 1

Внизу в гостиной горел свет, а значит, его ждали. Виржилию подъехал к воротам с выключенными фарами, словно боялся выдать себя. Он заглушил мотор, и положив руки на руль, стал пристально смотреть на особняк. Это было место, где он вырос.

Родной дом казался ему сейчас таким чужим и незнакомым. Это было противоестественно, ведь здесь прошло его детство и юность. Здесь его окружали родительской любовью. В этом доме он был когда-то счастлив. И в этом месте он познал нестерпимую боль. Боль потери. Боль бессилия. Боль слабости. Дважды!

Дважды мог избежать этой участи! Дважды проиграл битву! Дважды проявил трусость! Но настал час прозрения и воли! Он должен был вернуться, чтобы на этот раз одержать победу, над мистическим злом, жаждущим овладеть его душой.

Виржилию знал, родители не спят. Они сидят в гостиной перед телевизором, смотрят глупую передачу и терпеливо ждут. Прошло три года, как он последний раз сбежал из этого проклятого города. Тридцать шесть месяцев он укреплял свой дух. Тысячу девяносто пять дней он готовился вернуться.

И вот он здесь. Нет страха. Нет сомнений. Он сможет выстоять. Демонам не захватить власть над ним! Он во всеоружии!

Комната утопала в темноте. Казалось, в глубине крошечного мрака притаилось чудовище, ожидающее терпеливо своего часа, дабы осторожно выползти из своего укромного логова и отправится бродить по спящим улицам ночного города.

Кристи не спеша вышла из темноты, словно призрак, и подошла к открытому окну. Тусклый свет фонаря отразился на ее лице мертвенной белизной. На улице было тихо, только пение сверчков и тихий гул телевизора в гостиной нарушал безмолвие. Девушка, опершись руками о подоконник, закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Ночь была ее старым приятелем, готовым прийти на помощь по первому зову, тьма скрывала от любопытных глаз и лютых врагов.

Кристи открыла глаза и посмотрела вниз, где приторно-пахнущие розы, сплелись колючими стеблями между собой, представляя угрозу. Она взобралась на подоконник и намеревалась спуститься незаметно в сад, но внезапный шум мотора и слепящий свет фар остановил ее.

– Проклятье, – прошептала Кристи и тихо спрыгнула обратно в комнату. Прислонившись к стене, она осторожно выглянула в окно, в надежде увидеть ночного гостя.

Кто-то въехал во двор. Этот кто-то был все это время там, за оградой, возможно, наблюдал за ней, пока она решалась на побег. Кристи непроизвольно вздрогнула, почувствовав, как холодные мурашки пробежали по телу. Нет, это не мог быть тот человек, чей образ первым пришел на ум! Ему здесь нечего искать! Разглядеть незнакомца девочке не удалось, мешала темнота и угол дома. Но она отчетливо слышала, как он вышел из автомобиля и направился к входу. Отойдя от окна, Кристи быстрым шагом подошла к двери и, приложив ухо к прохладной поверхности, прислушалась.

Незнакомца ждали. Она не услышала звук звонка. Значит, опекуны ожидали его у порога. До ее слуха донесся приглушенный радостный возглас Констанцы, приветствующий гостя, а также тихий и сдержанный тон Михая.

– Кого это принесло на ночь глядя, – Кристи тихо выругалась и с отчаянием взглянула на распахнутое окно.

Ее терзало непреодолимое желание сбежать. Прямо сейчас! Но разум твердил: не стоит. Никто не должен знать, что она гуляет по ночам, прячась словно зверь, по улицам ненавистного города.

За дверью послышались шаги. Кристи прижалась ухом к тонкой деревянной перегородке, отделяющей ее комнату от коридора. Кто-то уверенно шагал по паркету, предательски поскрипывающему под ногами. Сердце бешено заколотилось. На мгновение девушке показалось, что незнакомец услышал испуганное сердцебиение, так как шаги смолкли напротив спальни. Но звук повернувшейся ручки двери соседней комнаты, позволил предотвратить приступ панической атаки. Голоса Констанцы и Михая, еле слышно пожелавшие незнакомцу доброй ночи, придали Кристи немного уверенности, что кем бы ни был неизвестный, он не посмеет причинить опекунам вред.

Девушка тихо отпрянула от двери и подошла к окну. Гость остался на ночь. Он здесь, в соседнем помещении. Его присутствие почему-то пугало ее. Кристи услышала удаляющиеся шаги опекунов. Она сделала глубокий вздох, достала пачку сигарет и дрожащей рукой прикурила одну. Выпуская клубы серого дыма в ночное небо, она боковым зрением следила за входом, словно опасалась, что кровожадный монстр или безумец с топором в любое мгновение может вломиться в ее спальню.

Висок пронзила острая боль. Кристи зажмурилась и потерла его пальцами, но боль не прошла. Она вновь посмотрела на дверь, страх и любопытство овладели ей, опутав хрупкое тело обжигающими цепями, отражаясь спазмами в голове.

Кристи потушила сигарету. Выкинув окурок в сад, она твердым шагом направилась к двери. Ей нужно было в ванную, охладить лицо и смыть макияж. Нельзя вечно жить в страхе. Если ей суждено столкнуться с таинственным незнакомцем, она готова.

Бесшумно открыв дверь спальни, Кристи осмотрела пустой коридор и прислушалась. В доме стояла гробовая тишина. Из комнаты напротив не доносилось ни звука, словно незнакомец растворился в пространстве или молча выжидал подходящего момента, чтобы выскочить из-за двери.

Осторожно ступая по паркету так, чтобы ни одна половица не скрипнула, Кристи достаточно быстро добралась до ванной комнаты. Затворив за собой дверь, она облегченно вздохнула, радуясь тому, что не поддавалась необъяснимому желанию заглянуть в спальню к незнакомцу. Такое действие было бы крайне неразумным. Неразумным и опасным.

Включив воду, девочка стала хаотично смывать макияж. Темные струйки воды, словно слезы, потекли по лицу, черными кляксами падая на фаянсовую поверхность раковины. Холодная вода дала положительный результат, головная боль уменьшилась, но не прошла. Кристи взглянула на себя в зеркало, от макияжа не осталось и следа. В отражении на нее смотрел совершенно чужой человек. Несчастная девушка с глазами старой женщины, пережившей незабываемую трагедию. Даже без слоя тонального крема кожа отдавала нездоровой белизной, отчетливо вырисовывая темные круги под глазами. На переносице пролегли две глубокие морщинки, не свойственные столь юному возрасту. Кристи грустно улыбнулась. Разглядывая свое лицо, она на мгновение забыла о боли.

Сняв с вешалки махровое полотенце, она торопливо начала протирать лицо, избавляя кожу от капель воды. Закончив короткую процедуру, Кристи вновь взглянула в зеркало и увидела Его. Боль в виске запульсировала с новой силой.

На пороге ванной стоял высокий темноволосый мужчина лет тридцати. Короткая аккуратная стрижка обрамляло достаточно привлекательное лицо. Удивленный взгляд черных, как уголь глаз, был направлен на Кристи. Незнакомец был явно ошарашен присутствием девушки в ванной комнате.

Кристи отведя взгляд от зеркала, бросила полотенце на бельевую корзину, и спешно покинула помещение, задев плечом парня, стоявшего в дверном проеме. Ускорив шаг, она за несколько секунд добралась до спальни. Оказавшись внутри, девушка попыталась запереть дверь на ключ, но с первой попытки ей не удалось. Собрав волю в кулак, Кристи все же справилась с замком.

Головная боль усилилась. Кристи тяжело дыша, подбежала к окну, зажимая рот рукой. Рвотные позывы подступили к самому горлу, и она не смогла сдержать их. Содержимое желудка тонкой струей вылилось на розовые кусты. Два дня без еды, сейчас Кристи показались совсем недурной идеей.

Виржилиу растерялся. Он посмотрел вслед черноволосой незнакомке, скрывшейся в спальне. Затем выключил воду, о которой девушка забыла, молниеносно сбежав при виде его. Об этом сюрпризе говорила мать? Что же, сюрприз удался на славу!

Виржилиу взглянул в зеркало. Да, он немного устал после дороги, но вид у него весьма сносный. Почему же девочка так испугалась его? Такой реакции он не ожидал. Ни слов приветствия, ни кивка. Лишь пренебрежение во взгляде и дикий ужас. Его словно облили потоком ненависти, проскочив рядом с ним шаровой молнией, энергия которой неприятным покалыванием прошла по коже.

Ее глаза. Ее лицо. Виржилиу задумчиво потер подбородок. Она кого-то ему напоминала. Возможно, позже он вспомнит, ведь в этом городе прошла почти вся его жизнь. Наверняка он ее встречал на этих улицах. Или это одна из дочерей родительских друзей, решившая погостить. Он обязательно вспомнит, нужно лишь время. А если оставит попытки ворошить прошлое, то завтра с утра мать сама расскажет все об этой странной девочке, поселившейся у них в особняке.

Виржилиу вновь посмотрел на свое отражение. Его лицо действительно было уставшим. Он должен выспаться, отдохнуть, привести мысли в порядок. Завтра его ожидал сложный день.

Кристи помнила. Она помнила каждую деталь, каждое мгновение, каждый звук той злощастной ночи. Она до сих пор ощущала, как пластиковые наручники сдавливали ее запястья, больно врезаясь в кожу, при каждой попытке освободить руки. Она чувствовала, как тугие веревки обездвижили ее ноги, привязанные к металлической спинке широкой кровати, и как ее тошнило от кляпа во рту. Слезы непрерывно текли по ее лицу, но никому не было дела до них. В этот проклятый вечер ей суждено было стать новой игрушкой для взрослых мальчиков. А точнее безжалостных негодяев, чьи гадкие поступки прикрывались людьми, способными замять любой скандал, любой промах. Беспощадные монстры в человеческих телах, чувствуя свою безнаказанность, упивались страданиями жертвы, пойманной в ловушку.

Кристи помнила, как мерзко ухмылялся щуплый парень в темных очках и бейсболке, снимая происходящие на камеру. Бесстыдные твари жаждали запечатлеть свои злодеяния на пленку, чтобы в будущем наслаждаться каждой минутой грандиозного киношедевра, в котором главной героиней была пятнадцатилетняя девочка.

В комнате царил полумрак. Настольная лампа на прикроватной тумбе тускло мигала, словно грозила в любую секунду перегореть. Кристи не могла разглядеть в деталях лицо оператора, слепящего ей глаза накамерным светом. Второго мужчину она не видела, но чувствовала его присутствие. Его тяжелое дыхание она слышала позади себя.

Кристи пыталась кричать, надеясь, что хоть кто-нибудь ее услышит и придет на помощь. Увы, всхлипы и глухие звуки, издаваемые девочкой, казалось, звучали лишь в ее голове.

Парень с камерой подошел совсем близко, девочка зажмурилась, опухшие от слез глаза больно защипало. Яркий свет словно намеревался выжечь роговицу и оставить девушку слепой. Слезы вновь потекли по щекам, затем к ушам и скатились на шею.

– Тише, тише, птенчик. Не рыдай ты так, тебе еще понадобится силы, – голос парня звучал как-то фальшиво, словно он пародировал кого-то. Он не хотел быть узнанным. – Ты должна быть красивой. Ты смотрела взрослые фильмы? Там одни красотки, – оператор убрал с лица Кристи мокрую от слез прядь волос. Девушка нервно замотала головой. Она услышала издевательский смешок позади себя. Другой фальшивый голос властно произнес.

– Оставь ее. Если бы она была испорчена, ее бы здесь не было. Я люблю свежее мясо, нетронутое никем, – Кристи услышала, как невидимка втянул воздух. – Она пахнет невинностью, чистотой. Я в предвкушении.

Кристи почувствовала, как ее конечности немеют. Слова незнакомца звучали так, словно сам Сатана возжелал овладеть ей. От осознания всего ужаса, что ожидает ее, девушку начала бить дрожь.

– Раздень ее, – приказал невидимка, – но вначале завяжи ей глаза. Она не будет видеть! Пусть почувствует всю прелесть происходящего в полной мере!

Кристи попыталась закричать, потом забилась на постели, словно в конвульсиях. Ее усилия оттянуть ужасный момент, не увенчались успехом. Напарник невидимки, поставил камеру на тумбу так, чтобы объектив полностью захватил девушку. Вытащив из кармана брюк темную ленту, он, подойдя к изголовью, ловко накинул лоскут ткани на глаза девочки, перевязав на затылке тугим узлом. Его движения были точны, словно он не раз проделывал такой трюк.

– Шоу начинается, детка, – прошептал он ей на ухо.

Кристи ощутила в виске пульсирующую боль. Она вновь попыталась дернуться, когда почувствовала, что кто-то схватил ее за подол платья.

– Если ты не прекратишь, то я могу тебя поранить. А ведь ты не хочешь истечь кровью раньше времени, – голос оператора не звучал устрашающе, и девочка предприняла еще одну попытку оттянуть страшный момент. Это была ошибка, она ощутила, как парень забрался на нее и придавил коленями ее бедра.

– Хочешь по-плохому? Так тому и быть, – он надавил правым коленом на бедро с такой силой, что головная боль показалась Кристи мелочью, – будешь сопротивляться, я переломаю тебе ноги, дрянь.

Кристи учащенно задыхалась, пытаясь не терять сознания. Она начала молиться. Она просила Всевышнего, чтобы Он сжалился над ней, положил конец этому ужасу и принес смерть. Увы, молитва не могла ее отвлечь от мерзкого хруста, разрезаемой ткани, от ледяного холода металлических ножниц, касающихся ее кожи, от отвращения, испытываемого к самой себе, когда с нее сняли лоскутки платья, оставив ее в одном нижнем белье.

Мужчина, в изголовье кровати, возбужденно задыхался, Кристи еще яростней взмолилась, прося у Господа чуда.

– Продолжай, – прошептал голос, пытаясь унять тяжелое дыхание.

Через секунду, Кристи, полностью обнаженная и распластанная, как морская звезда, лежала на постели. Оператор слез с нее и вновь уже держал камеру, снимая дрожащее тело девушки. Развязывать глаза он не стал. Приказа не поступало.

Внезапно за дверью комнаты послышались чьи-то голоса. Кристи задергалась, попыталась закричать, но намокший от слюны кляп, только усилил рвотный позыв, не позволив издать не звука.

– Уходи сейчас же! Тебя никто не звал, – возмутился приглушенный женский голос.

– Нет, я не уйду, пока он не поговорит со мной, – мужчина за дверью, был настроен решительно.

Кристи на мгновение показалось, что спасение близко. Пусть она сгорит от стыда, представ голый перед незванным гостем, но он может ее вызволить из плена.

– Разберись с ним, – вновь отдал приказ невидимка. Парень с камерой тут же покинул комнату. Девочка слышала, как отворилась и закрылась дверь.

Кристи замерла. Она осталась одна в темноте. Она надеялась, что невидимка, последует за приятелем и оставит ее в покое. Но монстр был в комнате. Вначале она не слышала его, только гул голосов людей ругающихся где-то в доме. Монстр выжидал. Он питался ее страхом. Он был терпелив. Он забавлялся, глядя, как жертва пытается вырваться из ловушки. Монстр

выжидал, когда бедолага обессилит и сдастся. И когда это случится, он возьмет все, что пожелает.

Кристи почувствовала прерывистое дыхание рядом с собой. Кто-то резко схватил ее за волосы, откинув голову назад. Девочка застонала от боли. Ледяные пальцы коснулись ее живота и медленно поползли вверх к груди, царапая кожу ногтями.

– Он тебе не поможет, – злорадно прошипело чудовище, – Ты – моя! Я – твой бог! Отныне и на века!

Кристи почувствовала, что еще немного, и ее стошнит. А это верный способ захлебнуться в собственной рвоте до того, как над ней надругаются упыри в человеческом обличье. Но внезапно рука перестала трогать ее тело. И волосы стали свободны от хватки. Она услышала, как хлопнула дверь. Монстр покинул комнату. Слезы вновь хлынули ручьями, и тело задрожало в такт беззвучному всхлипыванию.

Глава 2

Часовня была заполнена людьми. Минула неделя, как умер старый преподобный, и божья обитель пустовала. Приезд нового священника, и возобновление служб стало важным поводом для горожан собраться в храме в этот знойный день.

Виржилию, облаченный в белоснежную альбу и казулу с вышитым крестом, стоял у алтаря, кивками приветствуя прибывающих прихожан, которые старались отыскать свободные места на скамьях. Он ободряюще улыбнулся родителям и Анне, сидящим в первых рядах. Священник приветствовал соседей и старых знакомых, удивленных его назначением. Никто не предполагал, что сын Констанцы и Михая станет священнослужителем, а тем более главой местного прихода.

Виржилию терпеливо дождался, пока прихожане рассядутся по местам, чтобы, наконец, начать литургию. Его первый день в знакомом до боли приходе, был решающим для него. Это был важный шаг в начале светлого пути. Священник представить себе не мог, что через мгновение его радужные надежды рухнут.

Дверь часовни с грохотом распахнулась, и Виржилию увидел на пороге Ее. Она была подобна демону, которому не страшны стены святого храма! Демону, который обрел власть над силой Господней, сокрушив Создателя в неравном бою! Она была облачена в черные одеяния, словно Всадник Апокалипсиса. Ее длинные волосы развевались от сквозняка, будто ядовитые змеи Медузы-Горгоны. Ее темные глаза пылали жгучей ненавистью, готовой спалить весь мир в огне.

Темный демон надменно улыбнулся и затянувшись сигаретой, выпустил к сводам часовни клубы серого дыма.

– Чудесно! Я успела как раз к началу мессы, – голос незваной гостьи прозвучал, как раскат грома, заглушив звуки органа.

Прихожане разом обернулись, так синхронно, что могло показаться, они много часов репетировали, дабы добиться такого впечатляющего эффекта.

Виржилию, как подобает священнику, бесстрастно взглянул на девушку, молча ожидая ее следующих действий. Он моментально осознал, что девчонка пытается спровоцировать его и паству. Годы семинарии и несколько лет в другом приходе выработали в нем стойкость и хладнокровие. Идиотов везде хватало, и только терпение и понимание способно было исцелить бедолаг, направляя их по верному пути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.